

Глава 1

Человеческий ум способен на многое, а человеческая глупость вообще не знает границ...

Я посмотрела на гору разбитого кафеля и спросила у парня в комбинезоне, который стоял неподалеку:

— Николай, почему дорогая плитка превратилась в крошево?

Мастер развел руками:

— Ну... как-то так... вот... случилось.

— А почему это самое «как-то так вот» случилось? — не успокаивалась я.

— Домкрат упал, — нашел ответ мастер и показал пальцем в потолок. — Высоко все же. Вы женщина, поэтому физику не знаете. А я МАИ окончил, самолет могу спроектировать и объяснить, по какой причине довольно увесистая железка произвела эти разрушения. Все дело в силе тяжести...

Я молча слушала неторопливую речь. Очень надеюсь, что Николай никогда не займется самолетостроением, а если все же склепает лайнер, добрый Боженька помешает мне, Татьяне Сергеевой, приобрести билет именно на него. Хотя... собственно, сей летательный аппарат никогда не увидит неба — он развалится в тот момент, когда

в него загрузят багаж. Стопроцентно у этого самолета отвалится дно!

— Если умножим вес домкрата на восемь целых и семь сотых, — вещал тем временем «инженер», — то станет ясно, что весит он уже не десять кило, а...

— Николай, — перебила я парня, — вы правы, я по образованию преподавательница русского языка и литературы, физика вкупе с математикой находятся за гранью моего понимания, но даже я знаю, что если домкрат сбросить из квартиры на верхнем этаже вниз, то он станет похож на бомбу.

Выпускник МАИ снисходительно улыбнулся.

— Татьяна, этот инструмент не может взорваться! По второй специальности я взрывотехник и могу рассказать...

Тяжело вздохнув, я оборвала болтуна:

— Вообще-то не о домкрате речь. Вас наняли, чтобы соорудить лестницу, которая должна соединить две квартиры: ту, где сейчас мы находимся, и верхнюю. Вы обещали выполнить работу быстро, качественно и недорого. Но пока у вас все наоборот: медленно и...

— Быстро хорошо не получится, — перебил парень.

— За две недели вы пробили дыру в потолке, — продолжала я, — потом почти двадцать дней отсутствовали.

— В этом грипп виноват, — надулся Николай, — я подцепил вирус и свалился. С каждым случиться может. И с вами тоже.

Я откашлялась.

— Сегодня, явившись наконец-то на работу, вы сбросили из верхней квартиры домкрат, который, естественно, разбил массу дорогой плитки, упаковки которой стояли на полу. Подчеркиваю: домкрат не упал, вы его скинули.

— Нет, — возразил Николай, — он сам шлепнулся.

Показав пальцем на потолок, я покачала головой:

— Теперь из-за дыры слышимость между двумя помещениями прекрасная. Незадолго до падения домкрата я услышала ваш диалог с рабочим. Тот сказал: «Пойду отнесу инструмент вниз». А вы ответили: «Незачем бегать, скидывай».

Николай насупился.

— Ну да, беседовали мы. Только гляньте-ка сюда. Видите, к гидроподъемнику веревка привязана? Вот тут...

— И что? — не поняла я.

— Я велел Андрею инструмент на канате спустить, а тот некачественным оказался, лопнул.

— Канат? — возмутилась я. — Это же бечевка!

— Вовсе нет, — заспорил Николай. — Знаете ли вы, что такое бечевка? Я когда-то практику на веревочной фабрике проходил, сейчас объясню...

— Вот здорово! — восхитилась я. — Вы и самолет можете построить, и взрыв устроить, и шпагат сделать — на все руки мастер! Жаль только, руки ваши растут из того же места, что и ноги.

В этот момент на столе зазвонил городской телефон, я взяла трубку и обрадовалась:

— Рина! Как дела?

— Супер! — ответила свекровь.

Но ее голос показался мне слишком бодрым, поэтому я осторожно спросила:

— Ноги болят?

— Во все нет! — радостно закричала во всю мощь свекровь. — У меня такой гипс — весь в веселых картинках! А как там кабачки?

— Кабачки бегали, потом поели, теперь спят, — отрапортовала я.

— Можешь их фото мне послать?

— Конечно, — пообещала я.

— Надень на них шляпки. И галстуки.

— Где одежда для кабачков? — уточнила я.

— В прихожей в шкафу. Ремонт продвигается? — поинтересовалась Рина.

— Николай сбросил вниз домкрат и разбил целую упаковку плитки, — наябедничала я.

— Вот пакостник! — возмутилась Рина. — Танюша, иди на кухню. В левом нижнем ящике большого стола лежит новый пистолет. Думаю, он поможет тебе в ситуации с мастером. Заодно и опробуешь его. Только не забудь про патроны. Бери самый крупный калибр, те, что на слона.

— Хорошая идея, — обрадовалась я.

Николай ойкнул и бросился в коридор.

— Эй, вы куда? — закричала я.

Раздался хлопок входной двери.

— Что там у тебя? — полюбопытствовала Ирина Леонидовна.

— Он убежал, — протянула я. — Почему?

Рина расхохоталась:

— Стопудово ты забыла, что у трубки постоянно громкая связь сама по себе включается.

— Действительно, — протянула я, — ваш голос просто гремел, но я подумала, что вы, как всегда, храбритесь, не хотите показывать, как вам больно, вот и разговариваете чересчур бодро.

— Мне не настолько больно, — сказала свекровь. — В самом деле я прикидываюсь веселой, но только когда мне совсем плохо, сейчас же вполне терпимо. Николай услышал мои слова про пистолет...

— И решил, что вы советуете его убить, — догадалась я.

Ирина Леонидовна расхохоталась.

— А до этого я тебя спрашивала о кабачках. Что такое кабачок?

— Овощ, — засмеялась я. — Еще вы поинтересовались, как они поживают, попросили прислать их фото в шляпах и галстуках...

— Ага! — веселилась Рина. — В ответ ты спросила, где одежда для кабачков. К тому же пистолет... Ой, не могу! Мастер решил, что хозяйки на всю голову больные и жутко агрессивные. Он-то не знает, что это пистолет для склеивания плитки. Я его по интернету заказала. Продавцы пообещали, что даже следа не останется. И посоветовали заряжать его самыми мощными пулями с клеем,

мол, те даже слона склеят. Помнишь, как пистолетом пользоваться?

— Да, — подтвердила я, решив не говорить Рине, что сей прибор никогда не склеет осколки, усыпавшие сейчас пол, в целую плитку.

Кстати о пистолете. У нас уже много чего пылится на антресолях — автоматическая овощечистка, машинка для стирки с помощью радиоволн, кружка, которая автоматически подогревает содержимое... Теперь туда же отправится пистолет для склеивания плитки. Просто удивительно, до чего наивной может быть умная женщина. Рина всякий раз попадает на рекламу в интернете. Пистолет она приобрела в преддверии ремонта и горит желанием его опробовать. Не стану ее огорчать.

— Танюсик, слышу, у тебя мобильный вопит, перезвоню потом, — скороговоркой выпалила свекровь и отсоединилась.

Я вытащила из кармана сотовый и, глянув на экран, сказала:

— Привет! Николай разбил домкратом плитку и сбежал.

— Ну и фиг с ним, — ответил Иван, — другого найдем. Он большую дыру в потолке расковырял?

Я подняла голову, увидела, что из отверстия высовываются две головы с задорно поднятыми ушами, и вытянула вперед руки, заорав:

— Кабачки, нет!

Сотовый упал на руины плитки, а в мои объятия шлепнулся сначала один, потом второй кабачок. Ноги подогнулись, и я плюхнулась на пол.

— Что там? — нервничал мобильный, который, вот удивительное дело, не пострадал.

— Кабачки упали, — простонала я.

— Они живы? — перепугался Иван.

— Я успела их поймать, — ответила я.

— Вот же дураки! — в сердцах воскликнул Иван.

Я попыталась унять дрожь в теле.

— Наоборот, слишком умные. Я посадила их в загон, заперла дверцу, а они ее умудрились открыть.

— Да уж, подарила нам Вера Гавриловна забаву, — засмеялся Иван. Затем посерьезнел. — Сообщение через два часа. Разбирайся с кабачками и приезжай.

Я посмотрела на замолчавший мобильный, затем на двух притихших щенков — французских бульдогов. Похоже, Мози и Роки слегка испугались, спланировав с потолка.

Откуда у нас собаки? Сейчас расскажу. У моей свекрови Ирины Леонидовны по разным причинам нет большого количества закадычных приятельниц, но просто знакомых у нее масса. Многим Рина кажется беззаботной болтушкой, например, она охотно разговаривает с продавцами в магазине, отчего производит впечатление доброй, слегка глуповатой дамы. Но последнее заключение в корне неверно, уму Ирины Леонидовны можно только позавидовать (ее любовь покупать в интернете всякие «полезные» механизмы не в счет). Телефонная книжка у свекрови толщиной с Большую советскую энциклопедию, и если кому-то что-то

нужно, Рина перелистывает странички, мигом находя правильный номер.

К уму матери Ивана прилагается еще и память, как у компьютера. Она помнит о днях рождения всех своих знакомых и поздравляет их вовремя. Но к главным достоинствам моей свекрови относится другое — Рина никогда не проронит лишнего слова. Да, да! Ее говорливость распространяется исключительно на темы кулинарии, домашнего хозяйства, моды, косметики. И все! Вы и под пытками не выжмете из нее даже крохотную каплю информации о нас с Иваном, то есть о нашей работе. Мало кто умеет так держать язык за зубами, как Ирина Леонидовна.

Подруг, с которыми Рина общается иначе, чем со всеми, всего две, обе они работают в нашей системе. Вера Гавриловна — костюмер и гример в одном пакете. Причем большой мастер своего дела. Агентам порой приходится менять внешность; если возникнет необходимость сделать, скажем, из меня, девушки крепкого телосложения, худосочного парня-негра, — поверьте, Пашкова справится с задачей блестяще. На мою свадьбу она так одела и накрасила меня, что я выглядела восемнадцатилетней красавицей.

Кстати! Мы с Иваном не устраивали пышного торжества. Более того, никто из членов моей бригады до сих пор понятия не имеет, что их босс Татьяна Сергеева теперь любимая жена Верховного главнокомандующего всей системы, человека, который создал структуру бригад. Мы решили,

что эта информация помешает работе. Поэтому не носим колец. И никто, даже Димон, мой ближайший друг, не в курсе, что я теперь замужняя дама. Правда известна только Вере Гавриловне, но она была одной из тех, кто работал в самой первой, созданной много лет назад бригаде. Ее можно разрезать на кусочки — она никому и слова не скажет.

После церемонии в загсе мы с Иваном, его мамой и Верочкой отправились в небольшой ресторан. Пашкова отошла на минуту, вернулась с большой переноской и вытащила оттуда двух щенят французского бульдога.

— Какие красивые... кабачки! — обрадовалась Рина.

— Почему кабачки? — удивилась я.

— Посмотри, они же очень на эти овощи похожи, — засмеялась Ирина Леонидовна. — Тоже крепенькие, толстененькие, ровненькие.

— Только не зеленые, а коричневые, — улыбнулась Вера. — Их зовут Рокет и Мозеф, сокращено Роки и Мози.

— Возьми их на руки, Танюша! — велела свекровь.

— Они нам? — испугалась я. — В подарок?

— Нет, — успокоила меня Вера Гавриловна, — кабачки — презент Рине на вашу с Иваном Никифоровичем свадьбу. Она всю жизнь о собаке мечтает, да никак не заведет.

Вот так у нас в конце лета появились кабачки, которые первый месяц вели себя тихо-тихо, в основном ели и спали. Я уж было решила, что

щенки — это совсем не страшно, как вдруг в середине сентября Роки и Мози начали бодро носиться по квартире и отчаянно безобразничать. Злиться на шенят невозможно, они невероятно умильные. И хитрые: нашкодят, а затем со всех лап бегут к хозяевам извиняться. Ни я, ни Иван, ни тем более Рина не способны отругать или отшлепать мелких хулиганов, которые ухитряются одновременно оказаться в разных концах квартиры и натворить там дел.

Незадолго до свадьбы Иван купил апартаменты, которые расположены на этаж ниже, чем квартира Ирины Леонидовны. Мы с мужем будем там жить. Жилплощадь давно не использовалась, прежний владелец отбыл в Лондон, много лет не появлялся в Москве. Иван нашел его контакт, и вскоре мы стали обладателями хором. Слава богу, масштабный ремонт не понадобился, его в свое время сделал первый хозяин незадолго до того, как отправиться в Англию. Но Рина попросила соорудить лестницу, которая соединит наши квартиры.

— Неудобно будет ходить друг к другу через подъезд, — резонно заметила она.

Нам с Иваном идея показалась здоровой, муж нашел мастеров. Понедельник, когда я впервые увидела Николая с помощником, оказался воистину тяжелым. Ирина Леонидовна побежала в супермаркет (именно побежала, она не умеет степенно ходить, как другие дамы), поскользнулась, упала и сломала обе ноги. Слава богу, врачи уверены, что ничего серьезного нет, обыч-

ные переломы лодыжек. Но даже простая травма причиняет большое количество неудобств. Рина лежит в больнице, я приглядываю за кабачками, пытаюсь наблюдать за строительством лестницы и, конечно, работаю. Вот и сейчас мне уже пора отправляться на совещание.

Я подхватила присмиривших щенков, отнесла их наверх и посадила в загон, напоминающий клетку без крыши. Щенята уставились на меня своими печальными глазами.

— Не стройте из себя несчастных сироток, — засмеялась я, — не давите на жалость. У вас есть все необходимое — автопоилка и сенсорный раздатчик еды. Ни от голода, ни от жажды вы страдать не будете. Матрасик мягкий, бумажная пеленка для пописа чистая, игрушек полно. Счастливо оставаться.

Задвинув засов, я пошла к выходу, но вдруг подумала: а ведь кто-то из братьев сегодня уже один раз ловко открыл его, малыши свалились в дыру в полу, и хорошо, что я успела их поймать. Поэтому я сходила на кухню за веревкой, чтобы еще и привязать дверцу. Теперь-то уж кабачки точно из загона не выберутся!

Глава 2

Когда я вошла в переговорную, вся бригада во главе с Иваном уже разместилась за круглым столом. В красном кресле гостя скрючилась худенькая шатенка лет сорока.

— Отлично, все на месте. Гелена Валентиновна, разрешите представить вам Татьяну Сергееву, начальницу особой бригады, — сказал Иван Никифорович.

— Простите за опоздание, — извинилась я, устраиваясь на своем месте.

Любаша Буль, наш эксперт, показала на настенные часы.

— Танюша, ты появилась минута в минуту, это мы раньше собрались.

Я открыла свой айпад и мысленно поблагодарила Эдиту, нашего компьютерного гения. Булочкина — вундеркинд, она успела к своим двадцати с небольшим годам окончить два высших учебных заведения и поработать в разных местах. Эдита прекрасно знает, что я не могу сразу запомнить имя-отчество клиента, поэтому сейчас на экране появилось сообщение: «Она — Гелена Валентиновна Родионова. 42 года. Не путай с Еленой. Не Елена — Гелена».

Я задумчиво посмотрела на посетительницу, затем обратилась к ней:

— Итак, Елена Валентиновна...

— Гелена, — поправила клиентка. — И лучше давайте без отчества, можно просто Геля.

Моя нога ощутила тычок. Похоже, это Эдита пнула меня под столом.

— Простите, Гелена, — смутилась я. — Так что у вас случилось?

— Натуральная жуть, — всхлипнула клиентка и заломила руки.

— Думаю, вы не откажетесь от чашечки ароматного чая? — произнес Александр Викторович Ватагин, поднимаясь с места и направляясь к стоящей у стены кофемашине.

— Я не употребляю кофе, — остановила нашего психолога Родионова.

Ватагин нажал на красную кнопку.

— Я использую этот агрегат просто для кипячения воды. Вам зеленый чай, красный, черный, белый или фруктовый? Эдита снабжает нас потрясающими сортами чая.

Булочкина улыбнулась и сказала:

— Я знаю, где надо брать хороший чай.

— Иногда сам чай отменный, но его в магазине рядом с мылом хранят, вот он и приобретает его запах и вкус, — поморщилась Аня Попова.

— Гелена, — перебила я своих беззаботно щербующих сотрудников, — что привело вас к нам?

Родионова горестно вздохнула и стала излагать свою историю.

...Гелена владеет отелем в Подмосковье, который позиционирует себя как место, где ничто и никто не помешает отдыху постояльцев. Гостиница находится в лесу, на берегу большого чистого озера. Вместо большого корпуса здесь маленькие домики с разным количеством комнат, кухней и ванными. Если хотите, можете готовить сами, в шкафах есть необходимая посуда. А если вам лень топтаться у плиты, то смело идите в ресторан, кафе, кондитерскую, буфет. Не намерены сидеть в общем зале? Заказ доставят в коттедж.

Отель пользуется популярностью у тех, кто не желает быть на виду во время отпуска, домики часто арендуют политики, актеры, прочие публичные личности, которые... Ладно уж, скажем честно: медийные лица прикатывают в «Лесной парадиз» отнюдь не с женами-мужьями. А кое-кто прибывает в одиночестве, и для таких клиентов в эскорт-службе отеля есть юноши-девушки, женщины-мужчины и даже бабушки-дедушки...

— Бабушки-дедушки? — перебив рассказчицу, удивилась Буль.

Гелена скромно потупилась.

— Вкусы у всех разные, некоторым мужчинам нравятся дамы, которые справили шестидесятилетие. Я не интересуюсь, чем мои клиенты за закрытыми дверями занимаются, лишь выполняю их просьбы. Но — в пределах морали и закона. Если кавалер в возрасте пожелает проводить время в компании юной девочки или мальчика, в этом случае я откажу. Наркотики тоже под запретом. Если гость все-таки решит побаловаться запрещенными препаратами, а горничная доложит мне об ампулах в мусоре, замечания ему не сделают. Но в следующий раз я его просто не приму.

Я внимательно слушала Родионову, а та наконец добралась до сути дела.

...Несколько дней назад в «Лесной парадиз» прибыла пара, которая зарезервировала двухкомнатный коттедж, находящийся в самом укромном месте. В отличие от большинства постояльцев Тоня и Тихон Ткачевы не прятались. Они охотно по-

сещали ресторан, кафе, гуляли по саду, общались с обслугой. Ткачевы на самом деле были семейной парой, они просто решили отдохнуть.

— У вас такой прекрасный бассейн, а народа совсем нет! — восторгалась Тоня.

— Отличный спортзал, и совсем пустой! — восхищался Тихон.

Ткачевы понравились хозяйке и всему персоналу — интеллигентные, воспитанные люди. Они не капризничали, не унижали горничных, не материли официантов. Их коттедж не напоминал свинарник, не было никаких пустых бутылок и мусора, разбросанного где попало. Семейная бездетная пара среднего достатка. Тихон преподавал историю в каком-то институте, как-то раз он похвастался Гелене, что имеет диплом кандидата наук. Антонина работала реставратором древних книг и летописей. Как понимаете, много супруги не зарабатывали. Ткачевы были хорошо, но не супермодно одеты, имели вполне приличный, но бюджетный автомобиль.

Семейная пара прекрасно проводила время. И вот однажды утром муж поехал в Москву, благо столица находится в получасе езды от гостиницы. Антонина отправилась на прогулку, поплавала в бассейне, посетила спа, позавтракала-пообедала, выпила кофе. В общем, провела день, как обычно. Вечером, придя в местный ресторан, она сказала:

— Что-то скучно стало.

Официантка произнесла какие-то дежурные слова и поинтересовалась:

— Одна ужинать будете или мужа подождете?

— Не знаю, — растерянно ответила Антонина. — Тихону уже давно пора вернуться, а его все нет и нет...

На следующее утро дежурный администратор сообщила хозяйке гостиницы, что Ткачев так и не появился, Антонина рыдает на ресепшен, просит вызвать сыщиков.

Естественно, меньше всего Родионова хотела видеть в своем уютном отеле парней в форме, которые со всей полицейской деликатностью станут бесцеремонно стучать в номера, опрашивать постояльцев. Но Гелена Валентиновна владела «Лесным парадизом» не первый год, поэтому отлично понимала: в отеле может произойти все что угодно. На такие случаи у нее был под рукой милейший Федор Кузьмич Панкин, адвокат, способный решить разные деликатные и неделикатные проблемы.

Родионова усадила Антонину в кафе, велела напоить ее чаем за счет заведения, связалась с Панкиным, а тот через пару часов сообщил скорбную весть: Тихон Матвеевич погиб. Вчера в районе села Двойкино, где проселочная дорога идет под уклон, автомобиль Ткачева влетел в трансформаторную будку. От удара машина загорелась, затем взорвалась. Зарезво видели местные жители, один из сельчан пошел посмотреть, что случилось, вызвал пожарных, те прикатали через час, кликнули полицию... Короче, останки Тихона Ткачева находятся в морге больницы городка Кунаево.

Глава 3

Несмотря на то что от мужа мало что осталось — тело разметало взрывом, — Тоня легко опознала его по необычной обуви — сине-красным ботинкам.

В morg вместе с Антониной поехали Гелена Валентиновна и Федор Кузьмич. Родионовой было очень жаль Ткачеву, которая, услышав ужасную весть, окаменела, даже не смогла заплакать. Вдова порылась в шкафу, достала из вещей черный плавок, повязала его и превратилась в зомби: велели ей сесть на стул — и она молча на него опустилась; попросили пройти в машину — и Тоня пошагала. Родионова, сидя в авто около бедняжки, взяла ее за руку и попыталась утешить. Она говорила какие-то слова, Антонина смотрела в окно, а потом вдруг пробормотала:

— Какая красота кругом... Бедный мой Тиша, последнее, что он видел в жизни, была грязная дверь с нецензурным словом.

Гелена подумала, что супруги, гуляя в последний раз по округе, наткнулись недалеко от отеля на ветхий сарай, невесть кому принадлежавший. Строение постепенно разваливается, и хулиганы постоянно пишат на его стенах ругательства. Родионовой очень не нравится, что около ее гостиницы находится такая «красота», но поделаться ничего не может. Она хотела даже купить сарай, чтобы снести его, но ей не удалось узнать, кто владелец постройки. Услышав слова вдовы, Гелена

Валентиновна чуть не заплакала от жалости к ней и пробормотала:

— Нет, нет. Тихон Матвеевич перед кончиной наслаждался видом прекрасного заката.

Антонина ничего не сказала, все так же молча глядя в окно.

Когда вдову и сопровождающих провели в морг, Родионова возмутилась:

— Вам не стыдно родственников в таком помещении принимать? Каталки с трупами повсюду, запах ужасный, от патологоанатома спиртным несет. В кино совсем по-другому опознание выглядит.

— Здесь не фильм, а реальная жизнь, — огрызнулся мужчина в мятом халате. — Наш морг один на кучу окрестных деревень и городков, построен почти шестьдесят лет назад. Недовольны нами? Ступайте к главврачу, ему и жалуйтесь.

Когда санитар откинул простыню, Антонина закричала, а Федор Кузьмич крякнул:

— С ума сошли вдове такое показывать? Берите анализ ДНК для опознания.

— Деньги на исследование вы дадите? — надулся врач. — У нас ограниченный бюджет.

— В данном случае все ясно: обычное ДТП, водитель не справился с управлением. И сомнений в личности Ткачева нет. Машина зарегистрирована на его имя, к тому же рядом с местом аварии нашли портфель с вещами Тихона, его взрывом выкинуло, а там были паспорт с его фамилией, связка ключей, видимо от квартиры, кредитка, —

пояснил юный полицейский, которого отправили в морг проводить тягостную процедуру.

Во время разговора Гелена Валентиновна изо всех сил старалась не смотреть на таз, где были сложены фрагменты тела погибшего, и не знала, куда деть глаза.

— Это точно Тихон, — вдруг громко сказала Антонина, — вон видите, ступня в сине-красном ботинке. Обувь я мужу купила. Она эксклюзивная, ее из-за границы одна женщина своему сыну привезла, а ему размер не подошел...

Тут Родионова замолчала. Я подождала некоторое время, потом спросила у Гелены:

— А от нас вы чего хотите? В чем проблема?

Она сделала глоток чаю.

— Полиция быстро признала смерть Тихона Матвеевича результатом ДТП. Ткачев выпил...

— Погибший был под воздействием алкоголя? — быстро спросил сидевший до сих пор тихо Валерий Крапивин.

— Судя по тому, что я сейчас читаю в отчете, да, — ответила вместо клиентки Эдита, уставившись на экран одного из своих ноутбуков. — В документе есть замечательная фраза: «В результате обнюха частей тела ощущается резкий запах гари и алкоголя».

— Обнюха тела? — повторила Буль. — Обнюх? Я думала, что уже все слышала и видела, помню разные восхитительные фразы из отчетов коллег. Ну, например: «В крови мертвого трупа не обнару-

жено ни водки, ни табака, ни побоев». Но обнюх тела — это сильно. Они вскрытие делали?

— Нет, — ответила Эдита. — Местным сыщикам и так все ясным казалось. Денег у них на анализы кот заплакал, бюджет крохотный, а в случае с Ткачевым никаких загадок не было.

Гелена отодвинула от себя пустую чашку.

— Я тоже подумала, что Тихон Матвеевич развязал.

— Погибший раньше пил? — спросила я.

— Ткачевы выглядели достойно, — вздохнув, принялась объяснять хозяйка отеля, — но было понятно, что они небогаты. Вещи Антонина носила новые. У нее, например, есть розовое болеро, очень модная в нынешнем сезоне модель. Только сразу видно: красивая обновка, но дешевая, не от Шанель и не от Дольче-Габбана. Антонина рассказала горничной, которая убирала их коттедж, что поездка в «Лесной парадиз» — это подарок мужа на годовщину знакомства. И я решила сделать им сюрприз — утром Ткачевым принесли ваучер на бесплатные коктейли в баре в течение всего срока их пребывания.

— Очень щедро, — отметил Александр Викторович, — обычно администрация дарит постояльцам один счастливый день.

Родионова улыбнулась.

— Я понимала: они много не выпьют, ну по бокалу за ужином. Однако Антонина вернула презент. Пришла ко мне в офис и смущенно объяснила: «Не подумайте, что я неблагодарная. Очень

приятно, что вы по отношению к нам с мужем внимание проявили, но, видите ли, дело вот в чем. Тиша на заре нашего брака начал пить, и мы чуть не развелись. Потом он взял себя в руки, преодолел зависимость, более не прикасался к бутылке. А десять лет назад мы поехали к близким друзьям на юбилей. Отмечали его в ресторане, Тихон попросил безалкогольный мохито, а ему по ошибке принесли коктейль с ромом. Когда я поняла, что происходит, было поздно, муж уже опьянел. На следующий день он купил бутылку водки... Начался кошмар, Тихон ушел в запой. И еле вынырнул из него, снова кодировался. Я теперь постоянно на страже, боюсь рецидива, поэтому, извините, вынуждена отказаться от вашего щедрого подарка».

Гелена Валентиновна взяла в руки чайную ложечку и начала ее вертеть.

— Мой покойный муж тоже был алкоголик. Он регулярно зашивался, ходил к гипнотизеру, пил всякие таблетки, травы, честно пытался побороть страсть к спиртному, но всякий раз срывался. Перед смертью почти пять лет ни капли в рот не брал, шарахался даже от кефира и кваса. А потом добрые дружки его пивом угостили — и все, слетел мой Женя с катушек. Хватанул стакан водки и умер от сердечного приступа.

— Такое бывает с алкоголиками, — грустно заметила Буль. — «Развязка» — сильный удар по сосудистой системе, много мужчин погибает из-за того, что после нескольких лет трезвой жизни они выпивают всего-то пару рюмочек.

Родионова кивнула.

— Именно это мне кардиолог в больнице и сказал. После того как Ткачева про своего мужа и болезнь рассказала, я ее еще больше пожалела. Потому и не удивилась, когда услышала, что погибший под воздействием спиртного был. Знаете, я как раз в день трагедии столкнулась с Антониной — она мужа проводила и в домик шла. Я ее спросила: «Временно остались одна?» Ткачева ответила: «Да, у Тихона дела неожиданно образовались». А потом добавила: «К врачу ему надо заглянуть, что-то сердце ночью сильно щемило». Понимаете, да? Скорей всего, Ткачев опять пить начал, супруги поругались, и Тихон умчался. Никаких дел у него не было. А может, и впрямь дискомфорт ощутил. Но все же я думаю, что они повздорили, иначе б Антонина вместе с Тихоном в клинику подалась. После посещения морга она была в жуткой растерянности, и я предложила ей остаться в отеле.

Гелена Валентиновна покачала головой.

— Я представила себя на ее месте: муж погиб страшной смертью, я с ним поругалась, и теперь уже не помириться, надо заниматься похоронами, сейчас вернусь домой, а там чашка супруга, его одежда, половина кровати ночью пустая... Жуть! Ну и сказала Ткачевой: «Тонечка, переночуйте сегодня в гостинице бесплатно. Подумайте спокойно, к кому за помощью и поддержкой обратиться можете, позвоните этим людям, пусть они вас завтра заберут». Она согласилась. Я попыталась накормить ее ужином, но Ткачева плохо

себя чувствовала, голова у нее кружилась, ноги дрожали. Я вызвала к ней нашего доктора, та измерила давление. Слегка высоковатое оказалось, но совсем не страшно. У меня очень хороший врач, завотделением в московской клинике. Вернее, у меня несколько медиков работает, они по очереди дежурят. В тот день была Валентина Николаевна, она посидела около Антонины, пока та не уснула, а потом зашла ко мне: «Сильный стресс у женщины, — сказала она. — Я посоветовала вдове завтра обратиться к своему врачу. Она сказала, что такового у нее нет, и я пригласила Ткачеву в нашу клинику».

Родионова сделала глубокий вдох.

— А утром горничная нашла Антонину мертвой. И понеслось!

Хозяйка отеля махнула рукой.

— Кончину Тихона мне от других гостей скрыть удалось. Собственно, это не трудно было — постояльцы по своим коттеджам сидят, другими гостями не интересуются. А с Антониной иначе вышло. Я опять вызвала Федора Кузьмича, попросила его решить проблему. Панкин никогда меня не подводит — тело незаметно увезли в морг. Через день Федор мне позвонил и сообщил, что ничего странного в смерти вдовы нет — инфаркт, женщина не перенесла смерть любимого мужа. Я выдохнула, велела вещи Ткачевых собрать, коттедж помыть, приготовить его для других гостей. А утром нагрянула полиция. Вернее, сначала приехал паренек, попросил показать ему номер, который занимала

умершая пара. Узнал, что там все вычищено, сан-узел простерилизован, и укатил. А потом уже двое прибыли из местного отделения и давай на меня наезжать. Почему комнаты отдраили? Что скрыть хотели? Зачем вещи мужа и жены упаковали? Кто разрешил мусор выкидывать? Я позвонила Панкину, тот незамедлительно примчался, но эти хамы разумных доводов адвоката не слушали, сыпали вопросами. Потом решили побеседовать с другими постояльцами. Я им попыталась объяснить, что никто про Ткачевых ничего не расскажет, они не общались с другими гостями. Куда там! Мне приказали: «Вызывайте всех в столовую, устроим собрание».

Гелена стиснула губы и повернулась к Ивану Никифоровичу.

— Понимаете?

— Неудачный для вашего бизнеса день, — заметил шеф.

— Да просто смертельный! — воскликнула Родионова. — Ко мне приезжает особый контингент — люди, не желающие светиться, в основном постоянные клиенты. Если собрать их в общем зале, это же катастрофа будет, более они в «Лесной парадиз» не сунутся. У дурных вестей быстрые ноги, о том, что в моем отеле умерла женщина, а полиция устроила массовый допрос, тут же станет известно.

Я попыталась успокоить Гелену.

— Ваши клиенты не станут говорить, где отдыхали, они заинтересованы в сохранении тайны так же, как вы. Даже больше вас.

Лицо и шея Родионовой покрылись розовыми пятнами.

— Все равно протечет. Не дай бог, желтая пресса заинтересуется. Но хуже всего то, что от меня уволились сразу две горничные. Я пыталась их удержать, ведь найти нужную для моего бизнеса прислугу очень сложно, предложила повышение зарплаты. И обе отказались. Одна заявила: «Все знают, что Ткачеву отравили. Иначе почему вы Никиту уволили?» А я, как назло, на самом деле в тот день, когда ездила с Антониной на опознание, рассчитала шеф-повара. Но это было сделано по его желанию, Никита меня об уходе за два месяца предупредил. У плиты сразу встал другой человек. Никто из персонала о замене заранее не знал, просто так совпало, что это в тот печальный день произошло. Но служащие начали перешептываться, они всерьез решили, что постоялице яд подлили. Глупость несусветная... Иван Никифорович, помогите! Человек, который меня к вам направил, сказал, что вы все можете.

Шеф сделал отрицательный жест рукой.

— Нет. И сомневаюсь, что на свете существует хоть один человек, который может все. Сформулируйте, что вы хотите от нас?

Гелена Валентиновна заломила руки и зачистила:

— Развейте глупые слухи об отравлении, но главное, защитите меня от местной полиции. Когда мерзавцы поняли, что я не хочу трубить общий сбор постояльцев, они насели на меня, стали

требовать книгу регистрации. А там... Понимаете, я почти всех клиентов не первый год знаю, у меня есть их контакты. Никто из них не хочет показывать свой паспорт на ресепшен... и я... я...

— Записывали в грощбух фальшивые данные? — предположила Аня Попова, сидевшая около меня. — Не смущайтесь, так многие владельцы мотелей делают.

— У меня прямо истерика случилась, — всхлипнула Родионова, — реально плохо стало, голова закружилась. Потом возник еще один полицейский, старше по чину. Он прежних выгнал, очень ласково со мной заговорил, пообещал шум не поднимать и вообще дела не заводить, но поскольку смерть Антонины подозрительна, то...

Гелена замолчала.

— То кое-кому придется ему заплатить, короче — давайте деньги, — договорил за нее Александр Викторович.

— Злой и добрый полицейский — старый, но хорошо работающий прием, — поморщилась Аня.

Родионова молитвенно сложила руки.

— Пожалуйста, пожалуйста, займитесь сами смертью Антонины! Там и делать-то нечего, главное — отгоните от меня жадных шакалов. Вам я верю, вы не станете болтать о моем отеле. Вам могу дать список клиентов, знаю: никто не будет их шантажировать. Предоставлю и координаты служащих. Вот, здесь горничные, повар, эскорт-служба, все-все-все. Обратите внимание на возраст — никого моложе восемнадцати. Да, у меня

особый отель, но я не нарушаю закон. Докажите, что никто из наших сотрудников в смерти Ткачевых не виноват.

Посетительница зашмыгала носом.

— Умоляю вас!

Глава 4

— Что скажете? — поинтересовался Иван, когда Родионова ушла.

Эдита подняла руку.

— Можно? Я посмотрела кое-какую информацию на Гелену. Она была замужем за Владимиром Байкиным, по кличке Мотор, криминальным авторитетом. Тот несколько раз попадал в зону интереса полиции, но все по ерундовым поводам. И адвокаты всегда его отмазывали. Все знали: Мотор занимается угоном машин, за что и получил свое погоняло...

— Дита, — остановила я ее, — оставь слово «погоняло» друзьям Байкина, есть же другие слова — «прозвище», «кличка», «псевдоним».

— Псевдоним — это сильно сказано, — засмеялся Валерий. — Хм, здорово звучит: Владимир Байкин, псевдоним Мотор.

— Прости, — смутилась наш компьютерный генерал. — Ни для кого, в том числе для полиции, не было секретом, что Владимир Миронович легко может украсть любой вид транспорта. Он вышел на международный уровень, орудовал в Германии, в странах СНГ. А потом его подстрелили, причем

очень неудачно — попали в позвоночник, Байкин оказался в инвалидной коляске. В больнице он познакомился с Геленой, она там работала медсестрой. Уж не знаю, что привлекло восемнадцатилетнюю девушку в пятидесятилетнем мужчине, но она вышла за него замуж. Супруги прожили вместе пятнадцать лет. Байкин пил, несколько раз в квартиру по вызову соседей приезжала полиция, но, понятное дело, просто делала инвалиду внушение. Потом Мотор зашил-ся. Долгое время он не прикасался к рюмке, но вдруг развязал и умер. Все было так, как нам Родионова рассказывала. Через полгода после смерти мужа она открыла «Лесной парадиз». Деньги на бизнес взяла в банке под залог московской квартиры. Очень быстро выплатила долг, менее чем за год рассчиталась.

— А тетка не дура, — отметила Аня, — сообразила, что к ней может примотаться налоговая с любимым вопросом: «Откуда деньги, дорогая?», поэтому прикрылась кредитом.

— Замуж более не выходила, ни в чем дурном не замешана, — подвела итог Эдита. — Теперь о Ткачевых. Как верно сказала Гелена, Тихон Матвеевич преподавал историю в Институте Ольги Кравченко, это небольшой вуз, где готовят бухгалтеров, художников для театра-кино, юристов и экономистов.

— Странный набор специальностей, — удивилась я.

— Ну да, — согласилась Эдита. — Институт открылся в середине девяностых, когда, словно грибы после дождя, начали появляться разные учебные за-

ведения. Большинство из них благополучно умерло в следующие шесть лет, а вот детище Кравченко устояло и функционирует до сих пор. По служебной линии на Ткачева нет ничего дурного — аккуратный, знающий педагог, совсем не вредный, двоек никогда не ставил, но и на пятерки был не щедр. Студенты к нему с уважением относились. Автор нескольких брошюр. Зарплата Ткачева была невелика. Антонина Ивановна тоже не много получала — реставратор в музее, работала с книгами, иногда получала частные заказы. Ткачевы никогда не ездили за границу, не брали кредитов, у них двухкомнатная квартира в старом Тушине. Жилье записано на Антонину, досталось ей от покойной бабки. У Тихона есть двадцать соток в деревне Жучково, на них по плану БТИ два сарая. Участок он получил от покойных родителей. А теперь самое главное: у Ткачева были апартаменты, наследство от умерших мамы и папы, шесть комнат в доме постройки конца девятнадцатого века на Малой Бронной.

— Ничего себе... — протянула Аня. — Это же целое состояние! Почему они жили в Тушине?

— Наверное, сдавали хоромы в центре города за огромные деньги, — предположил Валерий. — За такую квартиру можно не одну тысячу евро в месяц срубить.

— Вот и не угадал! — воскликнула Эдита. — Но о жилье чуть позднее. Сначала о детях.

— О каких? — удивилась я. — Гелена говорила, что пара была бездетной.

Эдита оторвала взгляд от экрана ноутбука.

— Она, скорее всего, повторила то, что ей Ткачевы сказали. Нет, у них есть сын Юрий. Он художник, закончил Строгановское училище, постоянной работы нет, фрилансер. Женат, живет с супругой и двумя маленькими детьми в коммуналке. В ней три комнаты, одна принадлежит Нине, супруге Юрия. Две другие — актрисе Олимпиаде Яновне Урс. Хм, необычная фамилия.

— Никогда о такой артистке не слышал, — заметил Александр Викторович, — а я завязанный театрал.

— Урс восемьдесят годков с гаком, — уточнила Эдита, — она давно нигде не работает. Ранее несколько раз снималась в кино, исполняла маленькие роли. В фильме «Рабочая слава», снятом в тысяча девятьсот шестьдесят девятом, сыграла в эпизоде. Кто-нибудь видел этот фильм?

— Нет, — хором ответила бригада.

— Теперь о прекрасной квартире на Бронной, — зачастила Эдита. — Отец и мать Тихона Матвеевича были директорами крупных московских магазинов: гастронома и универмага.

— Ого! — подпрыгнула Люба. — Вот это да! По советским временам всемогущие люди.

— Похоже на то, — согласилась компьютерщица. — В доме на Бронной небольшие квартирки, в основном двухкомнатные, а старшие Ткачевы ухитрились захватить аж целый этаж.

— Ну и ну, — изумился Валерий. — Как им это удалось?

Эдита ухмыльнулась.

— Они развелись. Получили каждый по квартире, потом снова поженились и объединили жилье.

— Директора магазинов — это круче, чем боги Олимпа. Советский человек очень хотел кушать финский сервелат и носить плащ болонья, — вздохнула Буль, — а еще иметь зеленый горошек и майонез на салат оливье...

— Они откусили двушку и трешку, — продолжала Булочкина. — Но ведь были еще и кухни! Так вот, из одной сделали спальню. И вышли у них шестикомнатные хоромы с двумя сануздами. Сейчас за такие на Бронной надо минимум два миллиона долларов отдать. Жили Ткачевы роскошно, а умерли глупо. Тихону тогда шестнадцать было. Съездили за грибами, набрали ядовитых, пожарили и отравились. Подробности я не смотрела, родители Ткачева меня не интересовали, но если надо...

— Не надо, — остановила я Диту, — предки Тихона нам точно не нужны.

— И еще о квартире! — заявила она. — В ней устроен... музей.

— Чего-то я в этой жизни не понимаю, — вздохнула Буль. — Родной сын с женой и детьми ютятся в одной комнатенке в коммуналке, а отец устраивает в роскошной квартире музей. Оно понятно, что Тихон Матвеевич, рано потерявший родителей, решил увековечить их память. Но ведь те давно на кладбище, а его сын-то рядом и мучается в тесноте.

— Любочка, ты ошибаешься, — остановила ее Эдита, — музей посвящен вовсе не родителям.

Глава 5

Мне стало интересно.

— Вот как? И что за экспозицию сделал Ткачев?

— Она посвящена мячу, — объявила Дита.

— Мяч, Мяч, Мяч... — забубнил Ватагин. —

Что-то не припомню поэта-писателя-музыканта с такой фамилией. Мяч, Мяч...

— Это не человек, — захихикала Эдита.

Любочка опешила.

— Собака?

— Вопрос настоящей блондинки, — развеселился Валерий. — Псам музеи не посвящают.

— А вот и неправда, — ринулась в бой эксперт, — есть экспозиции, которые рассказывают о собаках. И даже о мышах. В городе Мышкин, например.

— Любовь Павловна, — остановил ее Иван, — Мышкин замечательное место, но давайте вернемся к нашим делам. Эдита, сделайте одолжение, просто снабдите нас необходимой для работы информацией.

Булочкина округлила глаза.

— Мяч — это мяч. Спортивный инвентарь. Тихон Ткачев собирал мячи. У него было большое количество экспонатов, многие с автографами. У него в Фейсбуке есть подробный рассказ о коллекции.

— Господи, кому это надо? — удивилась Аня.

Александр Викторович улыбнулся:

— Люди собирают подчас весьма странные вещи.

И находят единомышленников. В советские времена

существовали разные клубы, некоторые были многомиллионными, например книголюбов, в других состояло всего несколько человек. Один мой пациент собирал замки, шпингалеты, щеколды, засовы, обменивался двойными экземплярами с братьями по разуму. Он бросил работу, все время проводил в домах, подготовленных под снос, — свинчивал все, что мало-мальски походило на крючок, запор... Он потерял жену, которая не выдержала такой жизни, и детей — все от него отвернулось. Думаете, коллекционера это остановило? Вовсе нет!

— В коллекции Тихона есть очень дорогие экспонаты, — продолжала Эдита. — Например, мяч с подписью великого вратаря Льва Яшина. Или мяч, который принес победу команде Кубы на чемпионате мира по бейсболу в тысяча девятьсот пятьдесят третьем году. За эти уникалы фанаты отдадут чемоданы денег, причем не только в России.

— За такую ерунду, как покоцанный спортивный инвентарь? — поразилась Буль.

Ватагин взял из коробки сухарик.

— Странно слышать эти слова от вас — человека, который собирает атласы.

— Медицинские, — уточнила Люба, — не географические.

— Если вам предложат тот, который изготовил сам Гиппократ, — прищурился психолог, — какую сумму вы готовы за него отдать?

— Мне ее и за десять жизней не заработать, — пригорюнилась Буль, — даже представить не могу, сколько он стоит может.

— А если вы стали бы обладательницей несметных миллиардов долларов? — не отставал Ватагин.

— Миллиардов? Долларов? Хотелось бы хоть пару миллионов рублей в заглашнике иметь, — призналась Любочка. — Ну... если я стала бы богачкой, то на аукционе торговалась бы до последнего.

— Коллекция Тихона Ткачева, по самым скромным подсчетам, стоит около пяти миллионов долларов, — объявила Эдита, — это заочная оценка одного из аукционных домов, стартовая цена. Насколько она может взлететь во время торгов, неизвестно. Кстати, Тихон водил по своему музею экскурсии.

— А сам обитал в крохотной квартирке, никогда не ездил за границу и катался на дешевой машине? — протянул Ватагин. — Классический пример собирателя. В Москве некогда жил коллекционер редких изданий Николай Павлович Смирнов-Сokolьский. Он был конферансье, сейчас бы сказали: ведущий мероприятий. Собрал уникальную библиотеку. Его вдова Софья выпустила книгу воспоминаний, там есть интересный эпизод. Сокольские собирались встретить Новый год в Доме литераторов, Софье хотелось купить красивое платье, и она попросила у мужа денег, а тот отказал: нету. Супруга побежала плакать в спальню, Николай Павлович пришел к ней и сказал: «Сонечка! Можешь взять на мероприятие первое издание Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» из моей библиотеки. Держи его вместо сумочки. И поверь, у тебя будет самое дорогое украшение».

Свою коллекцию Смирнов-Сокольский завещал Ленинской библиотеке...

Не дослушав, я перебила Александра Викторовича и повернулась к Дите:

— Эдя, дай-ка телефон Юрия Ткачева. Очень хочется поговорить с ним.

— Тебя что-то насторожило? — поинтересовался Ватагин.

Иван не дал мне ответить:

— Конечно. Семейная пара впервые в жизни решила отдохнуть вместе, и произошла трагедия: муж погиб в автокатастрофе, жена умерла от стресса.

— Такое возможно, — заметила Любочка.

— Не спорю, — согласился шеф. — Но Ткачевы обладали очень дорогой коллекцией и никогда не ездили в отпуск, а тут вдруг надумали, отправились в совсем не дешевую гостиницу и неожиданно оба скончались.

— Кто сказал, что они никогда не ездили отдыхать, — возразила Эдита. — Ткачевы не летали за границу, но ведь можно снять дачу в Подмосковье. К сожалению, это я выяснить не могу. Кстати, напомним: у Тихона Матвеевича есть земельный участок, который ему по наследству от родителей достался. Только сомневаюсь, что Ткачевы там жили — село заброшено. Хотя кое-кому даже нравится жить отшельником.

— Ты не на все вопросы можешь найти ответы в интернете, вот почему я и хочу поговорить с Юрием, — пояснила я. — Соедини меня с ним.